

A detailed oil painting of a two-story yellow wooden schoolhouse with a red metal roof. The house has multiple windows with white frames and a small porch on the right side. In the foreground, there are several wooden benches and lush green plants with white and yellow flowers. The background shows tall trees and a blue sky with white clouds.

Жукова Ирина

Сельская школа
1 часть

Пятигорск

Ирина Жукова

Сельская школа 1 часть

«Автор»

2026

Жукова И. М.

Сельская школа 1 часть / И. М. Жукова — «Автор», 2026

«Школа — это не стены и не расписание. Это тепло печки, скрип половиц, шёпот тишины перед уроком и голос, который говорит: Ты сможешь. Это место, где учатся не только читать и считать, но и быть рядом, держать слово, чинить сломанное и верить в своё дело. Здесь каждый шаг — часть большого пути, а каждый ребёнок — его важная строчка. И пока звенит колокольчик, эта дорога продолжается. Эта книга — про школу, которой будто и не было: заброшенную, затихшую, почти забытую. Про школу, которую разбудили — делом, заботой, тёплым словом и руками, что не боялись труда. Разбудили так, что она стала не просто зданием — а домом, где каждому есть место и дело, где прошлое берегут, а будущее строят вместе. Где школа — это не про отметки, а про людей».

© Жукова И. М., 2026

© Автор, 2026

Ирина Жукова

Сельская школа 1 часть

Пролог. Сентябрь, которого не будет

В селе Берёзовка сентябрь 2019 года пах мокрой соломой, дымом из труб и тревожным ожиданием. И ещё — пылью. Той самой, что за четыре года скопилась в заброшенной школе, пока окна забивали досками, а крыльцо зарастало бурьяном.

Наталья поставила на стол миску с варёными макаронами, хлеб и банку солёных помидоров. Аня села, не поднимая глаз, и привычно подвинула к себе тарелку. Лиза, наоборот, крутилась на табуретке, болтала ногами и всё спрашивала — в очередной раз:

— Мам, а когда школа откроется? Я хочу с цветами. Как в мультике.

Наталья улыбнулась, но улыбка вышла кривой.

— Скоро, Лизонька. Обязательно.

Аня хмыкнула, но ничего не сказала. Ей не хотелось спорить. Спорить — значит надеяться. А надеяться было страшно: прошлый раз, когда она поверила, что всё наладится, её возили в соседнее село. Два часа в одну сторону. Подъём в пять утра. Автобус, который скрипел на каждом повороте, и в котором она засыпала, уткнувшись лбом в холодное стекло. В чужой школе её никто не ждал. Учительница кивала, но смотрела сквозь. На переменах она стояла у батареи и грела пальцы, пока другие бегали и кричали. Потом школу закрыли. Потом была воскресная школа при церкви, потом — пятнадцать минут занятий раз в неделю, потом — задания в тетради, которые она делала на кухне, пока мама гремела кастрюлями.

И вот теперь Лиза. Ей семь. Ей нужен сентябрь. С цветами. С линейкой. С мелом и запахом свежей краски. С тем, чтобы кто-то сказал: «Ты теперь школьница».

Наталья вздохнула и сказала то, о чём думала каждый вечер:

— Я как вспомню, как тебя, Ань, возили... Это был ужас. Пять утра, темно, автобус, чужая школа. Ты молчала всю дорогу. Я думала, ты просто сонная. А ты, оказывается, боялась.

Аня подняла глаза. В них мелькнуло что-то, похожее на стыд.

— Я не боялась. Я просто... не хотела туда. Там было не моё.

Лиза перестала болтать ногами.

— А мне тоже будут возить? Два часа?

Наталья потянулась и погладила её по голове.

— Не знаю, Лизок. Не знаю.

Этот вечерний диалог, повторяясь из вечера в вечер, казался бесконечным.

В комнате стало тихо, только тикали старые часы на стене. Потом Аня тихо сказала:

— Слава Богу, что церковь восстановили. Мы тогда хоть туда ходили. А учительница приезжала... пятнадцать минут, но она смотрела на меня. И говорила: «Аня, ты молодец». Я это помню.

Наталья кивнула. Она тоже помнила. Помнила, как после этих пятнадцати минут Аня шла домой чуть прямее, будто ей дали что-то важное.

— И танцы в ДК появились, — добавила Аня. — Я туда ходила. Там было... нормально.

Лиза нахмурилась, пытаясь всё соединить:

— Значит, если школы нет, я пойду в церковь и на танцы?

— Нет, — твёрдо сказала Наталья. — Школа должна быть. Если есть школа, значит, есть ставка. Значит, будет учитель. Кто-то приедет. Что-то придумает.

Она сама не знала, верит ли в это. Но сказать надо было. Для Лизы. Для Ани. Для себя.

За окном ветер гнал по дороге сухие листья. Где-то далеко, на трассе, мигнули фары. Автобус или грузовик — не разобрать. Но звук был такой, будто кто-то едет сюда. В Берёзовку.

Аня посмотрела на маму, потом на Лизу. И вдруг сказала:

— Если кто-то приедет, пусть он не обещает, что сразу всё починит. Пусть просто скажет: «Я здесь. Мы будем учиться». Этого хватит.

Лиза кивнула, хотя не до конца поняла, о чём речь. Но почувствовала: это важно.

Наталья снова вздохнула. И прошептала, почти про себя:

— Пусть приедет. Хоть кто-нибудь.

А в этот момент на автобусной остановке в центре села высокий молодой мужчина с рюкзаком и коробкой книг смотрел на заколоченные окна школы и записывал в блокнот первую строчку:

«Начать с малого. Сначала место, потом стены».

Он постоял ещё минуту, будто прислушиваясь. И решился.

Дверь школы давно не закрывалась как положено: петли скрипели, а нижний угол доски, которой забили вход, отошёл. Артём осторожно поддел её, потянул на себя — и дверь поддавалась с протяжным стоном, будто не хотела пускать.

Внутри пахло сыростью, старой краской и чем-то давно забытым — тем самым запахом школы, который ни с чем не перепутаешь. Пыль висела в воздухе, оседая на плечах, и даже тусклый свет из щелей между досками казался здесь густым, почти осязаемым.

Артём шагнул вперёд, и половица под ногой жалобно скрипнула. Он замер, давая глазам привыкнуть.

Коридор был длинным, узким, с облупившимися стенами. По левой стороне тянулись двери классов, все закрытые, все будто отвернувшиеся от мира. На стене висел старый стенд «Наши достижения» — выцветшие грамоты, фотографии, где дети улыбались, а лица учителей казались слишком серьёзными. Над стендом темнело пятно сырости, расплзшееся по штукатурке, как клякса.

Он прошёл дальше, в бывший учительский уголок. Там стояла покосившаяся тумба, на ней — стеклянная банка вместо вазы, в ней когда-то стояли цветы. Теперь внутри лежала горстка сухих лепестков. На столе — осколок зеркала и забытая ручка. Артём поднял её, pokrutyл в пальцах, положил обратно.

Потом он открыл дверь в главный класс. Тот самый, где когда-то учились и Аня, и ещё десятки детей до неё.

Здесь было хуже. Окна забиты досками так плотно, что в комнату почти не проникал свет. Парты стояли рядами, тяжёлые, старые, с откидными крышками. На одной из крышек кто-то выцарапал ножом: «Здесь был Саша, 2015». На доске, покрытой слоем пыли, всё ещё виднелись остатки мела: кривая цифра «5» и обрывок фразы, которую уже не прочесть.

Артём подошёл к доске и пальцем провёл по этой пятёрке. Пыль осела на коже. Он не стёр её. Пусть останется.

Посреди комнаты стоял стул, одинокий, будто ждал кого-то. Артём сел на него, положил на колени свой блокнот и написал ещё одну строчку:

«Школа не умерла. Она просто замолчала. Надо помочь ей заговорить снова».

Где-то наверху, под крышей, что-то тихо щёлкнуло — то ли ветер, то ли птица, то ли само здание, наконец, поверило, что его снова слышат.

Артём закрыл блокнот, встал и вышел в коридор. Он не стал оглядываться. Он уже знал: возвращаться сюда придётся каждый день.

На улице темнело. В окнах домов загорался тёплый свет. Где-то хлопнула калитка, кто-то позвал ребёнка домой. И в одном из этих окон, в маленькой кухне, Наталья всё ещё сидела за столом, а Лиза прижималась к ней, и Аня смотрела в окно, будто пыталась разглядеть, кто приехал.

А Артём шёл по улице, и с каждым шагом ему становилось яснее: он не будет обещать, что всё починят завтра. Он будет обещать только одно:

— Мы будем учиться.

Глава 1. Ужин

И вот уже август 2020 года неспешно подходил к концу в Берёзовке — так, как здесь заканчивалось всё: без суеты, без громких слов. Казалось, время текло по своим часам — их никто не заводил, а они всё равно шли.

Солнце ещё висело над ставнями дома Натальи, но уже не грело, а только золотило края — то ли светило напоследок, то ли прощалось. В саду за окном яблоня роняла ранетки в траву, и они лежали там, мелкие, кисло-сладкие, никому не нужные. В прошлом году Лиза собирала их в ведро и выкладывала на подоконнике — «пусть дозреют». Не дозрели. Лиза расплакалась. Аня тогда сказала: «Они не виноваты. Просто яблоня тоже устала». Наталья до сих пор не знала, шутка ли это была.

Кухня в доме Натальи была маленькая, тёплая, с низким потолком, на котором желтело пятно от той зимы, когда потекла труба. Трубу починили, пятно осталось — как память, что не всё так плохо, как кажется, пока не починишь. На стене висели часы-ходики с маятником, они отставали на семь минут, но Наталья не переводила: «Они привыкли так. И я привыкла. Зачем их мучать».

На плите шкварчала картошка — варёная, с укропом, который Лиза нарвала утром в палисаднике, повидав четыре божьи коровки и одного жука, которого назвала «Михалыч» и отказалась прогонять. Рядом стояла банка солёных огурцов, хлеб в целлофане и миска с квашеной капустой — последняя, прошлогодняя, кисло-горькая, но Наталья говорила: «Своя. Не из магазина. Из неё силу не выбьешь».

Аня сидела за столом, подперев щёку ладонью, и смотрела в окно. Её тёмные волосы были собраны в неровный хвост, который спадал на плечо. На ней была старая футболка с дельфином — выцветшая, но она её любила, потому что дельфин «смотрит умно». Лиза сидела напротив на табуретке, болтала ногами и рисовала что-то на салфетке — похоже, дом. Или танк. С папой в окошке.

— Ну, — Наталья поставила на стол картошку, села, — с Богом.

— Аминь, — сказала Лиза и схватила самый большой огурец.

— Лиз, — Наталья кивнула на Аню, — старшая первая.

— А почему? — возмутилась Лиза.

— Потому что она старше. Правило.

— А когда я буду старшая?

— Когда Аня уедет в город учиться.

Лиза замолчала, пережёвывая огурец, и явно прикидывала, скоро ли это. Аня фыркнула.

— Не дождёшься. Я никуда не поеду.

— Это мы ещё посмотрим, — сказала Наталья и положила ей картошки.

Аня взяла вилку, но не стала есть, а покатала картофелину по тарелке. Она с самого утра была тихой. Наталья видела: что-то крутится у неё в голове, но спрашивать не стала. Знала — не ответит. Или ответит, но не то, что думает.

Лиза, наоборот, молчать не умела от природы. Она доела огурец, вытерла руку о футболку и заявила:

— Мам, а скоро школа? Я хочу букет. Большой. Как у Ани был. Помнишь, Ань, у тебя были астры? Ты плакала, потому что они помялись в автобусе.

Аня подняла глаза от тарелки.

— Я не плакала. Мне было... неудобно.

— Ты плакала, — сказала Лиза уверенно. — Я помню. Ты уткнулась в маму и говорила «я не хочу туда».

Наталья замерла с вилкой. Аня покраснела.

— Лиз, — сказала Наталья спокойно, — не выдумывай. Аня просто устала. Дорога длинная была.

Пауза. Часы тикнули три раза, будто считали до чего-то.

— Два часа, — вдруг сказала Аня. — Туда два. Обратно два. И ещё ждать, пока автобус в рейс пойдёт. Пять утра, Лиз. Темно. Холодно. Автобус скрипит на каждом повороте, будто у него болит всё. И ты сидишь на заднем сиденье, и лбом в стекло, и... — она запнулась. — И не знаешь, зачем едешь. Просто потому что надо.

Лиза перестала болтать ногами. Смотрела на Аню серьёзно, с тем выражением, которое бывает у маленьких, когда они понимают, что взрослый говорит правду, но не знают, что с ней делать.

— А ты, мам, помнишь? — Аня повернулась к Наталье. — Ты меня на остановку вела за руку. Я спотыкалась, потому что ещё темно. Ты говорила: «Потерпи, Ань. Это школа. Это надо». А я думала: почему надо — всегда туда, где страшно?

Наталья опустила вилку.

— Я помню, Аня. Я всё помню. Каждый раз, когда ты садилась в автобус, я стояла и смотрела, пока он не скроется. Потом шла домой и плакала. Тихо, чтобы вы не слышали.

Аня посмотрела на неё. Что-то дрогнуло в её лице, но она тут же спрятала это, как прячут парашют, чтобы не разглядывали.

— А потом школу закрыли, — сказала она ровно. — И я... не расстроилась. Мне стыдно, но я не расстроилась.

— И не надо стыдиться, — сказала Наталья. — Это не твоя вина. Это никто вина. Просто так вышло.

Лиза, которая слушала всё это, вдруг спросила:

— А я? Мне тоже надо будет два часа?

Наталья потянулась через стол и погладила её по голове. Волосы у Лизы были мягкие, пахли яблоком — она утром мыла голову, потому что «завтра, может, будет праздник». Праздника не было, но волосы пахли яблоком, и это было хорошо.

— Не знаю, Лизок. Не знаю.

Тишина. За окном ветер качнул яблоню, и одна ранетка упала в траву с глухим «пок». Лиза вздрогнула.

— Михалыч, — сказала она шёпотом.

Аня не выдержала и засмеялась. Тихо, коротко, но засмеялась — впервые за вечер. Наталья посмотрела на неё и подумала: вот ради чего стоит всё. Ради этого смеха.

— Ладно, — Наталья хлопнула ладонью по столу, — хватит грустить. Аня, ты же к семи классу готовишься. Давай скажи мне таблицу умножения на семь.

Аня застонала.

— Мам. За ужином.

— Именно за ужином. Когда ещё? Ты весь день лежала с книгой.

— Я не лежала. Я читала.

— Лежа читала. Разница?

Лиза захихикала.

— Семьюж семь сорок девять, — выпалила Аня скороговоркой. — Семьюж восемь пятьдесят шесть. Давай не надо.

— Аня, ты идёшь в седьмой класс. У тебя знания после домашнего обучения — как после... — Наталья замялась. — Ну, скажем так, не идеал.

— Спасибо, мам. Очень ободряюще.

— Я не ободряю. Я говорю правду. Тебе в седьмом классе нужно будет... — Наталья замолчала, потому что поняла: не знает, что нужно. Нет школы. Нет учителя. Нет плана. Есть только дочь, которая хочет в седьмой класс, и банка солёных огурцов.

— Слава Богу, — сказала Аня, — что церковь восстановили. Мы тогда хоть туда ходили. А учительница приезжала... пятнадцать минут, но она смотрела на меня. И говорила: «Аня, ты молодец». Я это помню.

— Я тоже помню, — кивнула Наталья. — Помню, как ты после этих пятнадцати минут шла домой прямо, как струна. Будто тебе что-то дали.

— Дали. — Аня ковыряла картошку. — Сказали, что я молодец. Это немало.

Наталья почувствовала, как защемило в глазах. Моргнула, отвернулась к окну.

— И танцы в ДК появились, — продолжила Аня, — туда ходила. Нормально было. Не школа, но... люди. Музыка. Ноги двигаются. Голова отдыхает.

Лиза тут же подскочила на табуретке.

— А я?! Я хочу на танцы!

— Тебе в первый класс, а не на танцы, — сказала Наталья.

— А если школы нет, то в первый класс или на танцы?

Наталья открыла рот, закрыла. Посмотрела на Аню. Аня пожала плечами:

— Логично.

— Ладно, — Наталья налила себе чаю из старого чайника, — давайте по-честному. Школы нет. Здание стоит заколоченное. Крыша течёт. Отопления не было уже сколько — три года? Четыре?

— Пять, — тихо сказала Аня. — Я помню, когда последний раз там топили. Я училась во втором классе. На ёлку. Печь ещё работала, и пахло хвоей и дымом. А потом...

— А потом перестали, — закончила Наталья. — Потому что детей стало мало, а денег ещё меньше. И школу закрыли. И возили вас в соседнее село. А потом перестали возить — потому что дорого. И остались мы с воскресной школой и пятнадцатью минутами раз в неделю.

— И танцами, — добавила Аня.

— И танцами, — согласилась Наталья. — Но танцы — это не математика.

— А жаль, — сказала Аня. — Я бы по математике танцевала.

Лиза захохотала так, что чуть не свалилась с табуретки. Наталья поймала её за рукав.

— Сиди. Упадёшь — я тебя поднимать не буду. У меня спина.

— У тебя всегда спина, — сказала Аня.

— Потому что я вас двоих таскаю. Одна. Удивительно, что не только спина, но и голова ещё на месте.

Аня замолчала. Она знала, что мама одна. Знала, что папа на вахте, звонит раз в неделю, голос усталый, «ну как вы там». Знала, что Наталья встаёт в пять, готовит в столовой, приходит в семь, кормит их, проверяет тетради (хотя сама давно забыла программу), ложится за полночь, потому что ещё стирка, ещё уют, ещё окна заклеить к зиме. Она знала всё это. Но говорить не любила. Говорить — значит признать, что тяжело. А признать — значит расклеиться. Аня не расклеивалась.

— Мам, — сказала она, — я помогу. В этом году буду помогать. Если... — она запнулась. — Если будет смысл.

— Смысл в чём? — спросила Наталья.

— В учёбе. Если кто-то будет учить. А не просто задания давать.

Наталья поставила чайник. Посмотрела на Аню — серьёзно, прямо, как умела только она, когда переставала быть мамой и становилась женщиной, которая тоже чего-то хочет.

— Кто-то приедет. Что-то придумает. Если есть школа, то и ставка какая-то должна быть. Не знаю, Ань. Но я чувствую — не может же вечно так.

— Может, — сказала Аня. — Вон в Тихоновке уже десять лет школы нет. Все смирились.

— Мы не Тихоновка, — сказала Наталья. И добавила тише: — Мы не сдадимся.

Лиза, которая уже давно перестала понимать половину разговора, но чутко ловила настроение, сказала:

— А я не сдамся. Я сильная. Я ведро с яблоками поднимала. Почти. Аня посмотрела на неё. Что-то дрогнуло в уголках губ.

— Почти — не считается, Лизок.

— Считается! — Лиза стукнула ладонью по столу. — Михалыч тоже почти жук, но считается!

Наталя засмеялась. Не вежливо, не из вежливости — по-настоящему, от живота, от усталости, от того, что иначе нельзя. Аня хмыкнула, но дрогнул. Лиза сияла.

— Вот, — сказала Наталя, вытирая глаза, — вот так. Ужинаем. Не плачем. Михалыч нас спас.

— Михалыч — жук, — сказала Аня. — Он не может спасать.

— Может, — сказала Лиза. — Он просто тихо спасает. Как ты, мам.

Наталя замерла с чашкой. Аня опустила глаза. Часы тикнули. Трижды. Семь минут отставания и всё равно — точно.

— Ладно, — Наталя встала, убирая тарелки. — Пора спать. Завтра разбираться будем. Аня, ложись. Лиза, зубы.

— А школа? — спросила Лиза.

— Что — школа?

— Когда?

Наталя помыла тарелку, поставила на сушилку. Повернулась.

— Скоро, Лизонька. Я обещаю.

Лиза кивнула. Она верила маме. Всегда верила. И Наталя знала: нельзя, чтобы Лиза перестала верить. Нельзя, чтобы она выросла, как Аня, — помнящая темные утра, холодный автобус и чужую школу. У Лизы должен быть свой сентябрь. С цветами. С линейкой. С запахом мела и свежей краски. С тем, чтобы кто-то сказал: «Ты теперь школьница» — и это было бы правдой.

Аня ушла в комнату. Наталя слышала, как она шуршит одеялом, как скрипит кровать. Лиза чистила зубы и напевала что-то — мелодию без слов, выдуманную, как всегда.

Наталя стояла у окна. За стеклом темнело небо, и звёзды загорались по одной — будто тоже не торопились. Где-то далеко, на трассе, мигнули фары. Автобус или грузовик — не разобрать. Но звук был такой, будто кто-то едет сюда. В Берёзовку.

Наталя приложила ладонь к стеклу. Оно было холодное. Скоро придётся заклеивать на зиму. Она вздохнула и прошептала:

— Пусть приедет. Хоть кто-нибудь.

А в этот момент на автобусной остановке в центре села, в двух кварталах от дома Натали, высокий молодой мужчина с рюкзаком и коробкой книг стоял и смотрел на заколоченные окна школы.

Он достал из кармана блокнот, раскрыл на первой странице и написал:

«Начать с малого. Сначала место, потом стены».

Ветер подхватил сухой лист и бросил ему под ноги. Артём Сергеевич Гордеев посмотрел на лист, потом на школу, потом на тёмные окна домов, где горел свет и где кто-то, может быть, прямо сейчас тоже думал о школе.

Он поднял лист, убрал в карман — зачем-то, по привычке не бросать — и пошёл в сторону сельской администрации. Шаги гулко отдавались по пустой дороге.

Где-то за ним, в маленькой кухне, Наталя всё ещё стояла у окна. Она не видела его. Но что-то шевельнулось в груди — не надежда ещё, нет. Так, тёплый сквознячок. Предчувствие.

Она закрыла штору, выключила свет и пошла проверять Лизу. Та уже спала, свернувшись калачиком, сжимая в кулаке салфетку с рисунком. На салфетке был дом. Или танк. С папой в окошке.

Наталя поправила одеяло, поцеловала Лизу в макушку и вышла.

В комнате Ани горел свет. Наталья заглянула. Аня лежала на кровати, отвернувшись к стене, но не спала. Наталья знала, что не спит.

— Ань.

— М?

— Мы справимся.

Пауза. Длинная, как дорога в соседнее село.

— Мам, — сказала Аня, не поворачиваясь, — если кто-то приедет... пусть он не обещает, что сразу всё починит. Пусть просто скажет: «Я здесь. Мы будем учиться». Этого хватит.

Наталья постояла в дверях. Потом тихо сказала:

— Спи, Аня. Завтра будет день.

Аня не ответила. Но Наталья видела: плечо дрогнуло. Не от плача. От чего-то другого. Может быть, от того, что впервые за долгое время кто-то сказал «завтра» — и это звучало не как угроза, а как обещание.

Наталья выключила свет. Тихо закрыла дверь. Прошла на кухню. Села за стол, где ещё стояла банка с огурцами и миска с остатками картошки. Положила руки на стол, как кладут, когда больше не знают, что делать руками.

— Пусть приедет, — прошептала она в пустую кухню. — Хоть кто-нибудь. Мы тут. Мы ждём.

Часы тикнули. Семь минут отставания. И всё равно — точно.

Глава 2. Заброшенная школа: как село делает первый шаг

Утро в Берёзовке начиналось не с будильника, а с петуха дяди Вани — он орал ровно в пять, будто у него внутри был заводной механизм. Артём Сергеевич Гордеев проснулся от этого крика, сел на скрипучей кровати в сельсовете, где ему выделили комнату, и подумал: «Ну вот. Первый день. Пора».

Он умылся холодной водой из жестяного умывальника, натянул свитер (в комнате пахло старой штукатуркой и яблоками — кто-то оставил в углу мешок), взял блокнот и вышел на улицу.

Рассвет был бледным, как разведённая акварель: небо ещё не решило, будет ли день солнечным или дождливым, и висело над крышами серовато-розовой дымкой. По дороге к школе Артём вдыхал этот особенный деревенский воздух — смесь дыма, прелой листвы и чего-то терпкого, будто сама земля напоминала: «Я тут. Я жду».

Школа стояла на краю села, на небольшом пригорке. Когда-то это место выбирали специально: чтобы детям было видно издалека, чтобы колокольня (её давно разобрали) звала к урокам. Теперь вместо колокольни — тишина, а вместо дороги к знаниям — тропинка, заросшая лебедой и полынью. Полынь пахла горько, почти лекарственно, и Артём машинально сорвал веточку, сунул в карман — просто чтобы было что держать в руке.

Окна были заколочены досками, кое-где криво, будто тот, кто это делал, торопился и не хотел смотреть на то, что прячет. Крыльцо прогнулось, ступеньки скрипели даже под ветром. На двери висел ржавый замок — скорее для порядка, чем для защиты: нижний угол доски отошёл, и в щель можно было просунуть руку.

Артём постоял минуту, прислушиваясь. Не к звукам — их почти не было, только где-то далеко проехала телега и прокричала ворона. Он прислушивался к себе: не дрогнет ли, не повернёт ли обратно. Не дрогнуло.

Он потянул доску, она поддалась с протяжным стоном, будто обиделась, что её тревожат. Замок звякнул и остался висеть на петле, как ненужное украшение. Артём толкнул дверь — и она распахнулась, выпустив наружу тот самый запах: сырость, старая краска, пыль, время.

Внутри было темно, но не абсолютно. Свет пробивался сквозь щели между досками, ложился на пол косыми полосами, в которых кружились пылинки. Казалось, что это не пыль, а крошечные светлячки, которые забыли, что уже не лето.

Артём шагнул вперёд, и половица под ногой скрипнула — громко, как будто предупреждала: «Осторожно. Тут давно никого не было». Он замер, давая глазам привыкнуть.

Коридор тянулся вперёд, узкий, с облупившимися стенами. Слева — двери классов, все закрытые, все будто отвернулись от мира. Над одной из дверей висела табличка: «Кабинет математики», буквы почти стёрлись, но ещё можно было разобрать. Рядом — стенд «Наши достижения»: выцветшие грамоты, фотографии, где дети улыбаются, а учителя смотрят серьёзно, будто знают что-то, чего не знают дети. Над стендом расплзлось тёмное пятно сырости — оно походило на кляксу, которую никто не стал стирать.

Артём прошёл дальше, к учительскому уголку. Дверь была приоткрыта. Внутри стояла покосившаяся тумба, на ней — стеклянная банка вместо вазы. В банке когда-то стояли цветы. Теперь там лежала горстка сухих лепестков — хрупких, как воспоминания. На столе — осколок зеркала и забытая ручка. Артём поднял ручку, покрутил в пальцах, положил обратно. Ручка была дешёвая, пластиковая, с потёртым корпусом. Но она всё ещё могла писать. Он улыбнулся уголком губ: «Значит, не всё потеряно».

Потом он открыл дверь в главный класс — тот самый, где когда-то учились Аня, Лиза и десятки других детей до них.

Здесь было хуже. Окна забиты досками так плотно, что в комнату почти не проникал свет. Только одна узкая щель давала полоску света — она падала прямо на первую парту, будто специально подсвечивала её. Парты стояли рядами, тяжёлые, старые, с откидными крышками. На одной из крышек кто-то выцарапал ножом: «Здесь был Саша, 2015». На доске, покрытой слоем пыли, виднелись остатки мела: кривая цифра «5» и обрывок фразы, которую уже не прочесть.

Артём подошёл к доске и пальцем провёл по этой пятёрке. Пыль осела на коже. Он не стёр её. Пусть остаётся. Пусть помнит.

Посреди комнаты стоял одинокий стул. Артём сел на него, положил на колени блокнот и написал:

«Школа не умерла. Она просто замолчала. Надо помочь ей заговорить снова».

Где-то наверху, под крышей, что-то тихо щёлкнуло — то ли ветер, то ли птица, то ли само здание, наконец, поверило, что его снова слышат.

Артём закрыл блокнот, встал и вышел в коридор. Он не стал оглядываться. Он уже знал: возвращаться сюда придётся каждый день.

На улице солнце наконец прорвалось сквозь облака и осветило крыльцо. Доски на окнах отбрасывали резкие тени, и казалось, что школа не прячется, а просто шурится от яркого света.

В этот момент из-за угла вышла Валентина Петровна, библиотекарь. Она несла корзину с яблоками — видимо, из своего сада. Увидев Артёма, остановилась, поправила платок и сказала:

— Ну что, посмотрел?

Артём кивнул.

— Да. Посмотрел.

Валентина Петровна подошла ближе, поставила корзину на ступеньку.

— И что думаешь?

— Думаю, что начинать надо не с ремонта, — сказал Артём. — А с того, чтобы здесь снова было слышно голоса. Чтобы кто-то сказал: «Здравствуйте, ребята». Чтобы кто-то ответил: «Здравствуйте».

Валентина Петровна усмехнулась — не насмешливо, а как человек, который давно знает цену простым вещам.

— Голоса... Голоса тут нужны. А то тишина уж больно тяжёлая стала. Я вот яблоки принесла. Для детей. Если будут занятия — пусть будут яблоки. Хоть что-то своё, родное.

— Спасибо, — сказал Артём. — Это важно.

Она посмотрела на него внимательно, будто оценивая.

— Ты не из тех, кто обещает золотые горы, да? — спросила она.

— Не из тех, — честно ответил Артём. — Я обещаю только одно: мы будем учиться.

Валентина Петровна кивнула, будто это было именно то, что она хотела услышать.

— Тогда слушай. У меня в библиотеке есть читальный зал. Места немного, но хватит человек на десять. И есть кладовка — там можно складывать вещи. И ещё... — она понизила голос, будто делилась секретом, — у меня есть старый проектор. От бывшего кружка кинолюбителей. Пыльный, но рабочий. Если подключить — можно показывать фильмы. Для уроков.

Артём почувствовал, как внутри что-то щёлкнуло — не под крышей, а в груди. Как будто первый кусочек пазла встал на место.

— Это... это очень много, Валентина Петровна.

— Много — не много, а лучше, чем ничего, — сказала она. — И ещё. Я могу приходить помогать. Не каждый день, но могу. У меня внук в седьмом классе, я помню, как это — когда учитель один на всех.

Артём хотел сказать что-то благодарное, но слова застряли. Вместо этого он просто кивнул.

— Спасибо. Это... очень важно.

Они помолчали. Где-то рядом прокричала ворона, и Валентина Петровна посмотрела в ту сторону, будто проверяя, не несёт ли птица дурные вести.

— Ладно, — сказала она, поднимая корзину. — Пойду, поставлю яблоки в прохладное место. А ты... если что — заходи в библиотеку. Там светло. И пахнет книгами, а не сыростью.

Она пошла по тропинке, шурша опавшими листьями. Артём постоял ещё минуту, глядя на школу. Теперь она уже не казалась такой безнадёжной. Просто очень уставшей. И очень ждущей.

Он достал из кармана веточку полыни, посмотрел на неё и улыбнулся.

— Мы тебя разбудим, — тихо сказал он школе. — Не сразу. Но разбудим.

И пошёл следом за Валентиной Петровной — туда, где пахло книгами и где уже можно было начинать.

А в другом конце села, у своего палисадника, на старой лавочке у забора сидела бабушка Зина. Лавочка была сколочена ещё её мужем, и доски до сих пор пахли смолой, будто не хотели забывать лето. Рядом на гвоздике висел пук сухой полыни — «от дурного глаза», как говорила Зинаида Васильевна.

Она сидела, подставив лицо солнцу, и щурилась, как кошка. В руках у неё была корзинка с морковкой — перебирала: мелкую — курам, среднюю — себе, крупную — на семена. Рядом, на траве, крутился рыжий кот Барсик и пытался поймать собственный хвост, но каждый раз промахивался и обиженно фыркал.

Мимо прошла соседка Марья Семёновна, та самая, что знала про всех всё и даже чуть-чуть про тех, кого не было.

— Зина, ты чего тут? Опять солнце греешь?

— Солнце не греет, Марья, оно учит. Сидишь, смотришь — и понимаешь: день идёт. Не стоит. Идёт.

— День-то идёт... А вот школа-то стоит. И не идёт никуда.

— Стоит, — спокойно сказала бабушка Зина. — Но стены не виноваты. Стены просто ждут.

— Говорят, учитель приехал. Молодой. Из города.

Бабушка Зина не удивилась. Она вообще редко удивлялась слухам — считала, что удивление тратит силы, а силы нужны на дело.

— Приехал, значит. Посмотрим, какой он. Не по словам ведь судят. По тому, как дверь открывает.

— Да что там дверь... — махнула рукой Марья. — Тут крышу чинить надо, окна вставлять. Денег нет. Район не даст.

— А мы не район, — тихо сказала бабушка Зина. — Мы село. У нас по-другому делается. Кто кирпич принесёт, кто гвоздь, кто руками поможет. Так церковь ставили. Так и школу можно. По чуть-чуть.

— Ты всё по чуть-чуть... А детям учиться надо сейчас.

— Сейчас и будем, — сказала бабушка Зина. — Не в стенах ведь учёба. В голосе. В том, чтобы кто-то сказал: «Ты молодец». Этого хватает, чтобы ребёнок голову поднял.

В этот момент по дороге прошли Артём и Валентина Петровна. Валентина махнула рукой:

— Зинаида Васильевна, тут вот... Артём Сергеевич, учитель наш новый.

Артём остановился, слегка наклонил голову, как будто хотел стать чуть меньше, чтобы не пугать:

— Здравствуйте, бабушка Зина. Слышал про вас. Говорят, вы всё про село знаете.

Бабушка Зина улыбнулась — не широко, а так, по-домашнему, когда улыбаются не гостю, а человеку, который, может быть, станет своим.

— Про село знаю. А про себя — не очень. Старею, забываю. Зато помню, как школу открывали. В пятьдесят восьмом. Тогда все вышли: и дети, и взрослые. Директор сказал: «Школа — это не здание. Школа — это когда люди друг к другу идут».

Артём кивнул, будто эти слова легли прямо в ту строчку, которую он уже записал в блокноте.

— Я тоже так думаю, — сказал он. — Поэтому сейчас мы не будем обещать, что сразу всё починим. Будем обещать, что будем учиться. Где получится. Хоть в библиотеке, хоть в ДК, хоть на крыльце, если тепло.

Бабушка Зина посмотрела на него ещё минуту, будто проверяла, не дрогнет ли голос. Не дрогнул.

— Это правильно, — сказала она. — Главное, чтобы дети не чувствовали себя брошенными. Брошенность хуже холода. Холод можно шубой закрыть. А брошенность — нет.

Валентина Петровна кивнула:

— В библиотеке места хватит на десять. И проектор есть. Можно киноуроки делать.

— Киноуроки... — протянула бабушка Зина. — Это хорошо. Детям картинки нужны. Они через картинки мир держат. Я вот помню, как нам учитель карту показывал: «Вот тут мы живём. Маленькая точка. Но своя». И мы гордились, что своя.

Артём достал блокнот, записал что-то, потом поднял глаза:

— А вы... если можно... могли бы помочь? Просто... быть рядом. Чтобы дети видели: село не против школы. Село за.

Бабушка Зина помолчала. Потом положила морковку в корзинку, встала, потянулась, будто сбрасывая с плеч тяжесть лет.

— Помогу, — сказала просто. — Я могу про село рассказывать. Про то, как жили, как строили, как вместе делали. Это тоже учёба. Только не по книжке. По памяти.

Артём улыбнулся — впервые по-настоящему, не как вежливый человек, а как тот, кто понял: он не один.

— Спасибо, Зинаида Васильевна. Это очень важно.

— Не благодари раньше времени, — строго сказала бабушка Зина, но глаза у неё при этом смеялись. — Сначала сделай. А спасибо потом.

Марья, которая всё это время сидела тихо, вдруг встала:

— Ладно, пойду я. А то куры без присмотра — это беда. Но если что... я тоже могу. Хоть тряпку принести, хоть пол подмести. Школа-то... она ведь и моя была. Я там в третьем классе на сцене пела. «Солнечный круг». До сих пор помню.

И она пошла, чуть сутулясь, но с каким-то новым шагом — будто вспомнила, что когда-то умела быть не только соседкой, но и частью чего-то большего.

Артём посмотрел ей вслед, потом снова на бабушку Зину.

— Знаете, — сказал он тихо, — мне кажется, самое трудное уже сделано. Не я приехал. А вы не сказали «бесполезно».

Бабушка Зина хмыкнула, но в голосе была мягкость:

— Бесполезно — это когда никто не хочет. А когда хотят — уже не бесполезно. Даже если сначала только морковку перебирать.

Барсик наконец поймал свой хвост, понял, что это был он сам, обиженно фыркнул и ушёл в тень. Солнце поднялось выше, и тень от забора легла на лавочку, как аккуратная граница между «вчера» и «сегодня».

— Пойдёмте, — сказала бабушка Зина, беря корзинку. — Покажу вам сарай. Там старые стулья лежат. Тяжёлые, дубовые. Ещё крепкие. Если ножки подкрутить — можно в библиотеку отнести. Для детей. Пусть сидят на настоящем.

Артём пошёл за ней, а Валентина Петровна шла следом, и все трое шагали так, будто уже знали: это не просто прогулка. Это первый маршрут новой школы.

Глава 3. Первый вдох школы

На следующее утро Артём проснулся от стука в окно. Стучал дядя Гена — тракторист, печник и, как выяснилось, человек, который считал своим долгом знать, кто где ночует и зачем приехал.

— Гордеев? — крикнул он через форточку. — Ты чего в сельсовете сидишь? Там же мыши и сырость. Иди к Фомичихе, у неё флигель свободен, печь топится. Я вчера дрова сложил.

Артём высунулся, моргая. Дядя Гена стоял внизу, кряжистый, в ватнике, с руками, которые будто были вырезаны из дуба. Лицо — загорелое до черноты, с глубокими морщинами, но глаза живые, цепкие.

— Спасибо, — сказал Артём. — А Фомичиха не против?

— Фомичиха? — дядя Гена хмыкнул. — Фомичиха три года ждёт, чтоб кто-нибудь в этом флигеле жил. А то стоит, пустует, печь не топится — гниёт. Она говорит: «Пусть живёт, лишь бы дым из трубы». Ей дым нравится. Как proof, что жизнь идёт.

— Proof? — Артём не поверил своим ушам.

Дядя Гена пожал плечами:

— Внук научил. По телефону говорит. Я и подхватил. Удобное слово. Вот, смотри: proof — что учитель приехал. Proof — что школа нужна. Proof — что не зря всё это.

Он сказал это без пафоса, как говорят про погоду, и ушёл, шаркая ногами по гравию. Артём смотрел ему вслед и думал: «Вот тебе и proof. Село не сдаётся. Просто иногда ему нужно, чтобы кто-то пришёл и дёрнул за верёвку».

Сельская администрация помещалась в одноэтажном здании с облупившимся фасадом и вывеской, буквы на которой держались на честном слове и двух саморезах. Внутри пахло канцелярской краской, старыми журналами и тем особым запахом казённых учреждений, где бумага важнее людей.

Заведующая — полная женщина в очках на цепочке — встретила Артёма так, будто он пришёл просить невозможного, а она всю жизнь только этим и занималась.

— Гордеев Артём Сергеевич, — она прочла по бумаге. — Назначен на должность учителя начальных классов и предметов общеобразовательного цикла в селе Берёзовка. Одна ставка. Разновозрастный класс, с первого по седьмой. Наполняемость...

Она посмотрела в бумаги, потом на Артёма, потом снова в бумаги.

— Двенадцать человек. Точнее, тринадцать, если девочка Лиза пойдёт в первый класс. Она пойдёт?

— Пойдёт, — сказал Артём. — Я уже видел её. Она хочет букет.

Заведующая сняла очки, потёрла переносицу:

— Артём Сергеевич, я вам честно скажу. Здания нет. Отопления нет. Дети есть, но... Можете возить в соседнее село. Там школа, автобус ходит. Раньше возили, можно снова.

— А давайте попробуем здесь, — сказал Артём.

Тишина. Часы на стене тикнули трижды. За окном прошёл кто-то, насвистывая.

— Здесь? — переспросила заведующая. — Где? В здании?

— Не обязательно в здании. Для начала — где тепло и светло. Библиотека. ДК. Если есть люди, которые дадут помещение, я начну с этого.

Заведующая посмотрела на него так, как смотрят на человека, который говорит правильные вещи, но все вокруг давно устали быть правыми.

— Ставка одна, — повторила она. — На всю школу. Вы понимаете, что это значит?

— Понимаю.

— Зарплата будет маленькая.

— Знаю.

— Отчёты — каждый месяц. Программа — стандартная. Проверки — раз в квартал. А у вас даже класса нет.

— Класс будет, — сказал Артём. — Не завтра. Но будет.

Она помолчала. Потом расписалась на бумаге, протянула ему:

— Держите. И... удачи. Она вам понадобится.

Артём взял бумагу. Она была тёплой от принтера и пахла так, будто только что родилась. Он сложил её вчетверо, убрал во внутренний карман куртки — ближе к груди.

От администрации Артём пошёл к Дому культуры. ДК в Берёзовке был построен в семидесятых, когда колхоз ещё жил и давал деньги на «культуру». Здание стояло крепко: кирпичное, с высокими окнами, с лепниной над входом — серп и молот, наполовину стёршиеся от времени, но всё ещё узнаваемые. На крыльце валялись окурки и сухие листья. Дверь была приоткрыта.

Внутри — большой зал рядов на сто, сцена, пыльное полотно экрана, ряды жёстких стульев. Пахло машинным маслом, деревом и чем-то сладковатым — может, старой фанерой декораций, сложенных за сценой.

Дядя Коля — Николай Фёдорович — сидел на краю сцены, свесив ноги, и паял провод. Он был невысокий, жилистый, с короткой стрижкой и руками, которые не знали покоя: даже когда говорил, что-то подкручивал, поправлял, держал.

— Здравствуйте, — сказал Артём от двери.

Дядя Коля не обернулся. Подождав секунду, сказал:

— Я вас слышу. Я не глухой. Просто руки заняты. Проходите, только не наступайте на провод.

Артём осторожно пошёл между рядами, перешагивая через бухты кабеля и какие-ящики.

— Я новый учитель. Артём Сергеевич Гордеев.

— Знаю, — дядя Коля наконец обернулся. — Мне Валентина Петровна сказала. И бабушка Зина. И Марья. И ещё полсела. Тут новости ходят быстрее, чем я провода паяю.

Он встал, вытер руки о тряпку, протянул ладонь. Пожатие было крепкое, рабочее.

— Николай Фёдорович. Дядя Коля, если проще. Тут все так зовут.

— Дядя Коля, — кивнул Артём. — Мне нужен зал. Не каждый день, но иногда. Для собраний, для киноуроков, для концертов. Если можно.

Дядя Коля посмотрел на зал — будто оценивая его глазами нового человека. Зал был пустой, гулкий, с потёртым полом и стенами, на которых когда-то висели плакаты, а теперь остались только следы от скотча.

— Зал могу дать, — сказал он наконец. — Тут тепло, котёл работает. Звук есть, экран есть. Проектор старый, но я починил в прошлом году, когда на пенсию собирался. Не собрался. Вот и починил.

— А вы на пенсии?

— На бумаге — да. На деле — тут всё на мне. Свет, звук, дверь, котёл, крыша. Если я не приду — всё встанет. Так что я прихожу. Каждый день. Как proof.

Артём усмехнулся:

— Дядя Гена тоже так говорит.

— Дядя Гена, — дядя Коля кивнул, — умный мужик. Только не говорит лишнего. Я вот, наоборот, говорю много. Но делаю тоже много. Так что если надо — приходите. Когда говорить — когда делать. Только чур: я не учитель, не воспитатель, не организатор. Я — технарь. Гвозди, провода, свет, звук. Если надо сцену построить — построю. Если надо концерт озвучить — озвучу. Но уроков ваших я не веду.

— Договорились, — сказал Артём.

— И ещё, — дядя Коля поднял палец, — тут у нас танцы по субботам. Приходят девочки, в основном. Мальчики — редко. Стыдно, что ли. Но если вы своих ребят приведёте — я только за. А то сидят дома, в телефоны тычут. А живая музыка — она, знаете, как печь: пока горит — греет. Потухнет — холодно.

— Приведу, — пообещал Артём.

Дядя Коля кивнул, и в этом кивке было согласие — не должностное, а человеческое. Как будто он сказал: «Ладно. Я тебя вижу. Посмотрим».

К вечеру Артём сидел в библиотеке у Валентины Петровны и составлял список. Список был короткий, но каждый пункт стоил дороже, чем целая школа:

Библиотека — читальный зал, 10 мест. Тихие предметы, чтение, письмо.

ДК — зал, сцена, проектор. Киноуроки, собрания, концерты, физкультура.

Школа — 1 раз в неделю протапливать. Короткие встречи, «пришли — сделали — погреблись — ушли».

Бабушка Зина — история села, рассказы, «уроки памяти».

Расписание: понедельник — библиотека, среда — ДК, пятница — кино.

Валентина Петровна читала через плечо и кивала.

— Проектор я проверю завтра, — сказала она. — Если лампа живая — покажем первый фильм в пятницу. Есть у меня «Кортик». Старый, но детям понравится.

— А что после фильма?

— А после — обсуждение. Вопросы. Что увидели, что поняли, что не поняли. Это и есть урок. Только не по учебнику. По экрану.

Артём записал: «Киноурок = фильм + обсуждение + отзыв. Не развлечение, а учёба».

— И ещё, — Валентина Петровна понизила голос, — у меня на полке стоят книги, которые никто не читал лет двадцать. Но они есть. И если ребёнок откроет хотя бы одну — это уже не зря.

Она помолчала, потом добавила:

— Знаете, Артём Сергеевич, я тут тридцать лет сижу. Приходят, берут, уходят. Иногда — возвращаются. Но чаще — нет. Потому что зачем, если школы нет? Школа — это сердце. Нет сердца — кровь не бежит. Вы, может, и есть это сердце. Только не сгорите.

— Не сожгусь, — сказал Артём, и сам не знал, обещание это или просьба.

Родительское собрание назначили на четверг, в шесть вечера, в ДК. Дядя Коля включил свет — тёплый, желтоватый, от старых ламп, которые гудели, как пчёлы. На сцене стояли стулья, принесённые бабушкой Зиной из сарая, — тяжёлые, дубовые, с вырезанными на спинках инициалами, чьи-то давно забытые. Артём разложил на столе у входа листы: расписание, план

ремонта, список детей. Листы были напечатаны на принтере, который ел бумагу и ронял знаки, но печатали — значит, серьёзно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.